
Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.1>

Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта

Татьяна И. Кузьмина^{1, 2}

¹ Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

^{1, 2} ta-1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2367-3390>

Аннотация

Введение. Изучение специфики сетевой социализации подростков и юношей с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта является новым и перспективным направлением в специальной психологии и нуждается в разработке методологических подходов и методических основ проведения исследований подобного рода.

Методы. Изучение специфики сетевой социализации лиц с нарушением интеллекта связано с описанием особенностей их социализационно-сетевого становления, в сравнении с нормативно развивающимися сверстниками предполагающим понимание исследователем интернет-взаимодействия как формы альтернативной коммуникации, способа адаптации и потенциального источника сетевых рисков личности. Методический инструментарий представлен авторской методикой «Сетевой самоотчет», апробированной с участием 181 респондента подросткового и юношеского возраста с нормативным развитием и 119 респондентов тех же возрастов с нарушением интеллекта.

Результаты. Апробация методики «Сетевой самоотчет» с участием выборок подростков и юношей с умственной отсталостью и их нормативно развивающихся сверстников показала, что данный инструментарий доступен для выполнения респондентам обеих групп и применим для выявления качественно-количественных различий между выборками. У респондентов с умственной отсталостью наблюдаются меньшая активность в Сети по поиску информации, низкая осведомленность о сетевых явлениях и феноменах сетевого взаимодействия, использование Интернета как дополнительного поля реализации выраженной потребности в общении и более агрессивная защита своего сетевого пространства от вмешательства родителей.

Обсуждение результатов. Представленные данные открывают ряд перспективных направлений исследования в предметной области сетевой социализации обучающихся с нарушением развития: 1) первичный скрининг в рамках ведущего нарушения по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками; 2) углубленное исследование по возрастным диапазонам в рамках одной нозологии и выявление возрастных различий внутри одной нозологической

группы; 3) дифференцированное исследование по сравнению разных нозологических категорий и выявлению межгрупповых различий.

Ключевые слова

умственная отсталость, сетевая социализация, Интернет, личность, подростки, юноши, интернет-пользователи, сетевые риски, общение, сетевое взаимодействие

Основные положения

- разработка инструментария для изучения сетевой социализации связана с пониманием сетевого взаимодействия как альтернативной коммуникации, способа адаптации, потенциального источника сетевых рисков личности;
- подростки и юноши с умственной отсталостью и нормативным развитием имеют общие характеристики сетевой социализации: высокую мотивацию к использованию Сети для своих нужд, например, просмотра фото и видео, поиска разнообразной информации, сетевых игр, общения, развлечений с использованием интересного мультимодального контента;
- подростки и юноши с умственной отсталостью имеют недостаточно реализуемую в сетевом контексте потребность в общении, тенденцию к сетевой гиперсоциальности.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ No 073-00028-20-03 ПР Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования» по научному проекту «Специальная дидактика цифрового образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью».

Для цитирования

Кузьмина, Т. И. (2021). Использование методики «Сетевой самоотчет» для изучения специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта. *Российский психологический журнал*, 18(1), 5–21. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.1>

Введение

Социальная реализация в Сети для лиц с ограниченными возможностями здоровья и, в частности, для обучающихся с нарушением интеллекта может быть охарактеризована как альтернативная форма социальной адаптации, расширяющая абилитационные предпосылки интеграции таких лиц в социум и активизирующая компенсаторные возможности подростка или юноши с особыми потребностями. Сетевая адаптация может потребовать от педагога и психолога оценки необходимости создания дополнительных специальных условий благополучной сетевой социализации обучающихся с нарушением развития. Качественное своеобразие и потенциальные возможности сетевой социализации лиц с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта на сегодняшний день почти не изучены, что представляет собой обширную научную проблему.

Целью данного исследования явилась разработка и апробация методики «Сетевой самоотчет» в контексте изучения отдельных аспектов сетевой социализации лиц подросткового

и юношеского возраста с ОВЗ – в частности, с умственной отсталостью, в сравнении с их нормативно развивающимися сверстниками. Предложенный в настоящей статье подход к изучению специфики интернет-социализации подростков и юношей с нарушением интеллекта и разработанный методический инструментарий обосновываются нами с использованием ряда предварительных рассуждений.

Мы считаем, что сетевая социализация в данном случае должна пониматься не только как процесс развития личности, усвоения сетевого опыта, но и как поликонтекстуальный интегративный модус личностной реализации, демонстрирующий способность субъекта обеспечивать индивидуальное становление в имеющихся разнообразных и изменяющихся сетевых условиях.

Определяющее влияние среди новых технологий информатизации и глобализации современного социума имеет Интернет, становящийся важнейшим социализационным институтом для человека в современном обществе (Arnoux et al., 2017; Данилов, 2012). Интернет транслирует такие характеристики пространства, которые описывают его как нечто, наполненное социальным смыслом и содержанием, несущее в себе и потенциал и риски, поскольку появление виртуальной социальной реальности является одновременно и причиной и результатом сетевых взаимодействий (Beck, 1992; Golbeck, Robles, & Turner, 2011; Данилов, 2012). Интернет, в свою очередь, становится альтернативным полем, где молодой человек имеет расширенные возможности поиска себя и реализации своих интересов (Ярцев, 1999; Карпухин, 2000).

Современная образовательная и коммуникационная среда все более «оцифровывается», сетевое взаимодействие становится основным медиамеханизмом социализации, инициируя масштабные изменения форм и содержания взаимоотношений между людьми разного возраста в сетевом пространстве (Boyd & Pennebaker, 2017; Celli, Bruni, & Lepri, 2014; Маклюэн, 2007).

Сетевое общение представляется специфичной средой для реализации социальных взаимодействий (Farnadi et al., 2016). Ему присущи следующие характеристики: 1) наличие аудитории сетевых ресурсов, обладающей общими ценностными ориентациями; 2) социальная значимость сетевой информации для возникновения и развития межличностного взаимодействия; 3) техническая среда, обеспечивающая процесс сетевого взаимодействия; 4) неоднородность социальной среды / аудитории сетевых ресурсов; 5) иллюзорность свободы поведения и действий; 6) анонимность, позволяющая преодолевать коммуникативные барьеры; 7) редукция невербального общения, частично компенсирующаяся использованием смайлов, эмодзи, аудиосообщений; 8) необходимость «достраивать» образ незнакомого в реальной жизни сетевого собеседника, в том числе с опорой на социальные стереотипы; 9) снижение темпа общения; 10) интенсификация и концентрация информации в вербальном/письменном общении (Dibble & Levine, 2013; Kalimeri, Beiró, Delfino, Raleigh, & Cattuto, 2019; Колокольцева и Лутовинова, 2012; Чуйко, 2012; Данилов, 2012).

Участие субъектов в интернет-сообществах – одна из социально-интегративных форм реализации субъекта в сетевом взаимодействии, обладающая следующими атрибутами: 1) все участники коммуникационного взаимодействия могут строить отношения со всеми; сетевая открытость друг другу рассматривается как альтернатива реальным проявлениям социального пространства, где социальное взаимодействие обусловлено рядом факторов – территорией, временем, функциональными возможностями участников; 2) анонимность как фактор неограниченного ресурса личности для трансформации своего образа, построения моделей поведения, способов реализации своих действий, выступающий как в конструктивном, так

и в деструктивном русле; 3) свобода входа/выхода как основная ценность интернет-сообществ, определяющая реализацию действий субъекта в данном пространстве; 4) конкретность интересов, приводящая к появлению различной виртуальной интеграции, групп общения, сообществ (Данилов, 2012).

Возможности сетевой социализации личности могут быть реализованы в нескольких направлениях: 1) когда субъект интериоризирует сетевые нормы, ценности, модели поведения, становится участником интернет-сообществ, приобретая сетевую грамотность и навыки сетевого взаимодействия; 2) когда субъект социализируется в реальном мире с помощью возможностей виртуального измерения; 3) когда субъект конструирует личный сетевой образ, обладающий презентационным потенциалом, поскольку от качества подачи личной информации зависят и успех социального включения и сетевая безопасность личности.

Обеспечению сетевой безопасности личности способствует поддержание сетевого этикета, различение этичного и неэтичного сетевого поведения, принятие морально-этических норм киберпространства (Maner, 1980; Moor, 2017; Ковалева и Сердюкова, 2015). Сетевая безопасность личности напрямую связана с проблемами кибербезопасности, предупреждения экстремизма и терроризма, насилия и агрессии, мошенничества и преступлений против личности в сетевом поле (Войскунский, 2000, 2010; Горшенин и Дубенский, 2018), соблюдением этических норм контроля информационных потоков при передаче данных (Овчинников и Гришин, 2012; Даниленков, 2014; Кучин, 2010).

Отмечается и различная взаимосвязь уровня морального развития личности и специфики восприятия ею сетевого контента. Так, например, обнаруживается сложная картина связи различных параметров морального развития подростков и продуктивности когнитивных способов переработки социальной информации в Сети. Для подростков с низким уровнем морального развития центральной задачей становится понимание морального содержания социальной информации и выделение морального конфликта, а для подростков с высоким уровнем морального развития – выбор оптимального решения моральной дилеммы на основе представлений о моральных нормах регуляции социальных отношений (Молчанов, Войскунский, Маркина и Бородина, 2019).

Анализ личного сетевого образа, создаваемого субъектом, позволяет определить специфику его коммуникативных умений, ценностные ориентации, потенциальные возможности и уязвимые места личностного становления (Ferwerda & Tkalcic, 2018; Celli et al., 2014; Guntuku, Qiu, Roy, Lin, & Jakhetiya, 2015; Guntuku, Lin, et al., 2017). Информация в индивидуальном сетевом профиле демонстрирует: 1) личностные черты «Большой пятерки» (Big Five) – экстраверсию, открытость опыту, добросовестность, нейротизм, дружелюбие (Azucar, Marengo, & Settanni, 2018); 2) разнообразные эмоциональные состояния (такие как радость, печаль, переживание утраты и т. д.); 3) интересы, увлечения, ценности; 4) особенности поведения в сетевых контактах; 5) наличие ограниченных возможностей здоровья, физические и психические проблемы (например, физические и ментальные отклонения, депрессивные расстройства, мании и т. д.) (Benton, Mitchell, & Hovy, 2017; Bijl, Ravelli, & van Zessen, 1998; Reece et al., 2017; Guntuku, Yaden, Kern, Ungar, & Eichstaedt, 2017).

Феноменология отклоняющихся от нормы состояний субъекта может быть обнаружена как в вербальном контенте, который продуцирует интернет-пользователь, так и в специфике его сетевых контактов, круга общения, фото- и видеоматериала, который он репрезентирует. Например, фотоматериалы в профиле лиц с депрессивными расстройствами не демонстрируют

ярко выраженных эмоциональных проявлений, таких как смех или плач, явная радость или печаль, улыбка или слезы. Изображения эмоционально нейтральны, индивидуализированы и минимально экспрессивны, что связано с притуплением разнополярных эмоциональных переживаний при депрессии и субдепрессии (Andalibi, Ozturk, & Forte, 2015; De Choudhury, Counts, & Horvitz, 2013; Reece et al., 2017; Guntuku, Yaden et al., 2017).

Таким образом, предпосылкой изучения возможностей сетевой социализации лиц с ОВЗ и, в частности, с нарушением интеллекта, в сравнении с их нормативно развивающимися сверстниками, может явиться представление интернет-взаимодействия не только как некоей формы альтернативной коммуникации и способа адаптации в контексте реабилитационных перспектив, но и как потенциального источника сетевых рисков личности, которым может быть подвержен интернет-пользователь. Однако в рамках данного направления исследований существует достаточно ощутимый методологический и методический вакуум, преодоление которого связано, в первую очередь, с разработкой и апробацией новых подходов, которые позволяют проводить именно сравнительные исследования при изучении сетевых аспектов социализации лиц с ОВЗ и с нормативным развитием. И если, например, в отношении лиц с дефицитным развитием (в частности, с нарушением зрения или слуха) может быть применима методика, разработанная для лиц с нормативным развитием с учетом модификации предъявления с опорой на сохранный анализатор, то в случае с лицами с нарушением интеллекта использование вербальных методик, разработанных для лиц с нормативным развитием, затруднено и неинформативно, в связи с наличием у лиц данной группы специфики восприятия и переработки когнитивной информации в сочетании с системным недоразвитием речи, не преодолеваемым с возрастом. Затрудненное понимание инструкции к заданию, специфическое восприятие и осмысление содержания вербального контента анкет и опросников, использующихся для лиц с нормативным развитием, приводит к неосознанному, рандомному выбору ответов лицами с нарушением интеллекта, что существенно затрудняет диагностику. В связи с этим методика должна представлять собой некий унифицированный вариант самоотчета, доступный для самостоятельного выполнения лицам с нарушением интеллекта, требующий минимальной организующей помощи экспериментатора и предполагающий ее минимальное воздействие на результат диагностики.

Методы

Для исследования специфики сетевой социализации подростков и юношей с ОВЗ, в том числе с умственной отсталостью, и их нормативно развивающихся сверстников была разработана авторская методика «Сетевой самоотчет» с учетом основополагающих принципов специальной психологии: принципа качественного анализа, принципа комплексности, принципов детерминизма и структурно-динамического изучения. В основе данной методики лежит унифицированный вариант тематических стандартизированных самоотчетов, реализованных в соотношении с областями сетевой социализации, которые мы полагаем важными для подростков и юношей с нормативным и нарушенным интеллектуальным развитием. Самоотчеты респондентов в рамках данных областей представляют разнообразную информацию о возможностях их сетевой социализации:

- 1) информационный блок – информация о половозрастных характеристиках;
- 2) организационный блок – данные о том, как организованы время и деятельность респондента в Сети, его соотношенность с сетевыми правилами поведения, предпочитаемые им сетевые ресурсы;

3) блок «электронная почта и поисковые системы» – формальные данные о наличии электронной почты, частоте ее использования, о способах и целях использования почты и поисковых систем;

4) блок «соцсети и торговые площадки» – информация о предпочтительном использовании соцсетей и осведомленности о торговых сетевых площадках;

5) блок «друзья в Сети» – информация, касающаяся специфики взаимоотношений с сетевыми контактами респондента;

6) лингвистический блок – информация о специфике организации вербального общения респондента в Сети;

7) блок «родительский контроль» – информация об отношении родителей к сетевой активности респондента и способах ее контроля.

«Сетевой самоотчет» представлен 34 вопросами, сформулированными как простые пространственные предложения. Вопросы самоотчета предполагают преимущественно стандартизированные варианты ответов (формулировки являются понятными для лиц с нарушением интеллекта, поскольку предварительно получены методом контент-анализа из материалов бесед с пользователями Интернета разного возраста и разных нозологических групп, в том числе с лицами с умственной отсталостью). У респондентов также есть возможность выбрать нестандартизированный ответ «Другое» в случае трудностей выбора из предложенных вариантов или при желании респондента расширить спектр ответов и сообщить важную, на его взгляд, информацию. Лингвистический материал «Сетевого самоотчета» максимально упрощен для минимизации непонимания и неверной трактовки его семантической вариативности субъектами диагностики и реализации возможности респондентов самостоятельно выполнять данную методику. «Сетевой самоотчет» опосредованно содержит в себе маркеры потенциальной возможности столкновения респондента с сетевыми рисками (высокого и среднего уровня).

В рамках апробации методики «Сетевой самоотчет» было проведено исследование, в котором принимали участие подростки и юноши с нормативным развитием (181 человек) и 119 человек с умственной отсталостью (УО) мужского и женского пола. Для данного исследования был выбран широкий возрастной диапазон, ввиду того, что уже в младшем подростковом возрасте (в некоторых случаях даже раньше) интернет-пространство становится широко доступным для обучающегося: у него появляется собственный гаджет (телефон, планшет, компьютер) и, соответственно, становятся доступны как плюсы сетевого взаимодействия, так и возникают разнообразные сетевые риски. Основными критериями отбора в экспериментальные группы, помимо возрастного и нозологического соответствия, явилось наличие собственного гаджета (например, телефона или планшета) и/или возможный, как под контролем родителей, так и без него, доступ к стационарному домашнему компьютеру с выходом в Интернет, что в нашем понимании априори означало подверженность респондента сетевым рискам в той или иной степени. Выявление динамических внутригрупповых возрастных и гендерных различий не входило в задачи данного апробационного исследования, в связи с чем участники эксперимента разного пола и возраста были объединены в две экспериментальные группы: группа подростков и юношей с умственной отсталостью и группа подростков и юношей с нормативным развитием (табл. 1). Сравнение характеристик выборок производилось с помощью Критерия φ – углового преобразования Фишера (критерия Фишера).

Таблица 1

Нозологическая характеристика субъектов диагностики

Нозология	Младший подростковый возраст (11–12 лет)	Старший подростковый возраст (13–15 лет)	Юношеский возраст (16–18 лет)	Мужской пол	Женский пол	Всего
Нормативное развитие	57	102	22	123	58	181
Умственная отсталость	18	50	51	74	45	119

Результаты

По результатам применения «Сетевого самоотчета» были получены следующие эмпирические данные.

Организационный блок. Подростки и юноши с УО менее активно, чем их нормативно развивающиеся сверстники, используют Интернет для своих целей. Среди них меньше тех, кто проводит в Сети более пяти часов (16,4%), но выше процент тех, кто проводит в Сети менее часа (31,9%). Также респонденты обеих групп имеют разный стаж интернет-пользователя. От «менее года» до «более трех лет», что при более подробном изучении не всегда соответствует возрасту (например, младшие подростки в одной и другой исследуемой группе указывают стаж пользователя «более трех лет»).

Сетевой лексикон подростков и юношей с УО значительно скромнее, чем у их нормативно развивающихся сверстников. Несмотря на то, что из 22 предложенных к узнаванию сетевых терминов все были отмечены ими как известные (хотя бы единожды), большая часть данных слов находится в пассивном словаре подростков и юношей с УО и доступна только к узнаванию без последующего воспроизведения в спонтанной речи. Узнавание популярных сетевых терминов показало преимущество респондентов с нормативным развитием. Наиболее популярными терминами явились: «сайт», «пароль», «аккаунт», «чат», «логин», «браузер», «ссылка». Субъекты диагностики с УО имеют представление о сетевых правилах (60,5%), также как и нормативно развивающиеся сверстники (65,1%), но часто пренебрегают чтением пользовательских соглашений (38,5%) и не могут вербализовать знакомые им правила. Респонденты с нарушением интеллекта, как правило, не сталкиваются с фактами блокировки учетной записи в связи с нарушением правил (68,1%), но отмечают, что хотя бы единожды были заблокированы за нарушения правил (15,1%) или предупреждены о грозящей блокировке (7,1%), а регулярную блокировку аккаунтов отметили лишь 8% опрошенных подростков и юношей с умственной отсталостью.

В Сеть представители обеих групп заходят для просмотра фото- и видеоматериалов, общения с другими людьми, чтения новостей, сетевых игр, покупок в интернет-магазинах, для

поиска информации, учебы и азартных игр. Самыми посещаемыми являются: сайты с играми; сайты для саморазвития; интернет-библиотеки; сайты, связанные с хобби; сайты знакомств и сайты для взрослых (рис. 1).

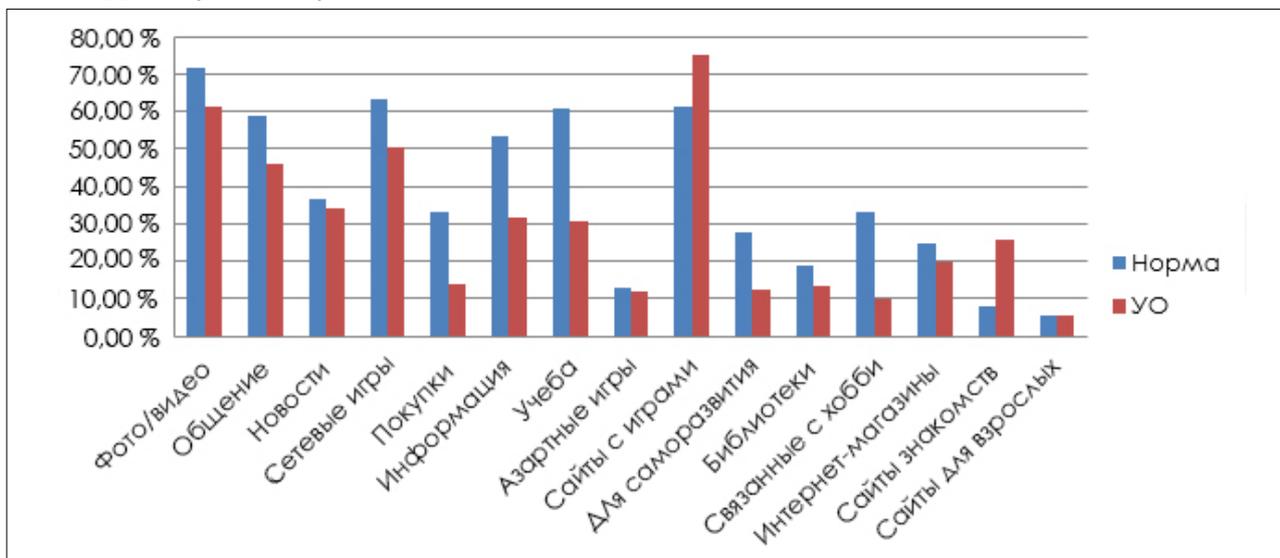


Рисунок 1. Цели посещения интернет-пространства респондентами

Блок «Почта и поисковые системы». Среди респондентов с нормативным развитием больше доля тех, кто использует личную почту – 70%, тогда как среди респондентов с УО только 49,1%. Респонденты с УО активно пользуются почтой друзей и знакомых (16,4%), тогда как респонденты с нормой развития делают это реже (6,7%). Среди подростков и юношей с УО выше процент тех, кто не имеет электронной почты (34,5%). Респонденты с нормативным развитием чаще почту используют для учебы (43,8%) и для передачи информации (40,2%), а респонденты с УО – для общения (46,9%). Обе группы используют почту для оформления интернет-заказов в сетевых магазинах. Респонденты хорошо осведомлены о поисковых системах. Наиболее известными являются «Google», «Яндекс», «Yahoo!», «Рамблер». Респонденты с УО значительно реже, чем нормативно развивающиеся сверстники (61,5%), используют их для поиска учебной информации (37,5%), предпочитая поиск развлечений (60,7%), новостей (33,9%), товаров в интернет-магазинах (19,6%).

Блок «Соцсети и торговые площадки». Респонденты обеих групп ориентированы на общение в соцсетях, заводят в них аккаунты. Лидирует по использованию сеть «Вконтакте». Там чаще всего регистрируются респонденты с нормативным развитием (71,9%) и с умственной отсталостью (71%). В соцсети респонденты, имея интерес к самому содержанию сетевого общения и зная, что у многих их знакомых уже есть там аккаунты, идут, чтобы найти интересных людей. Привлекательными характеристиками соцсетей респонденты обеих групп называют: куплю-продажу вещей, заработок, возможность найти пару, общаться с большим количеством людей, быть «на связи», высказывать мнение, заблокировать неугодного собеседника, организовывать сетевые знакомства, спорить и ругаться, а также возможность нагрубить кому-нибудь без последствий для себя. Идентификация площадок сетевой торговли не представляет трудностей для респондентов, хотя в обеих группах среди традиционных мест сетевой

торговли, таких как «Авито» и «Юла», некоторые респонденты называли сайт «Госуслуги». Также респонденты с нормативным развитием в 6,5 % случаев назвали запрещенную площадку сетевой торговли наркосодержащей продукцией «Гидра», тогда как среди респондентов с умственной отсталостью только один человек обозначил данный ресурс (рис. 2).

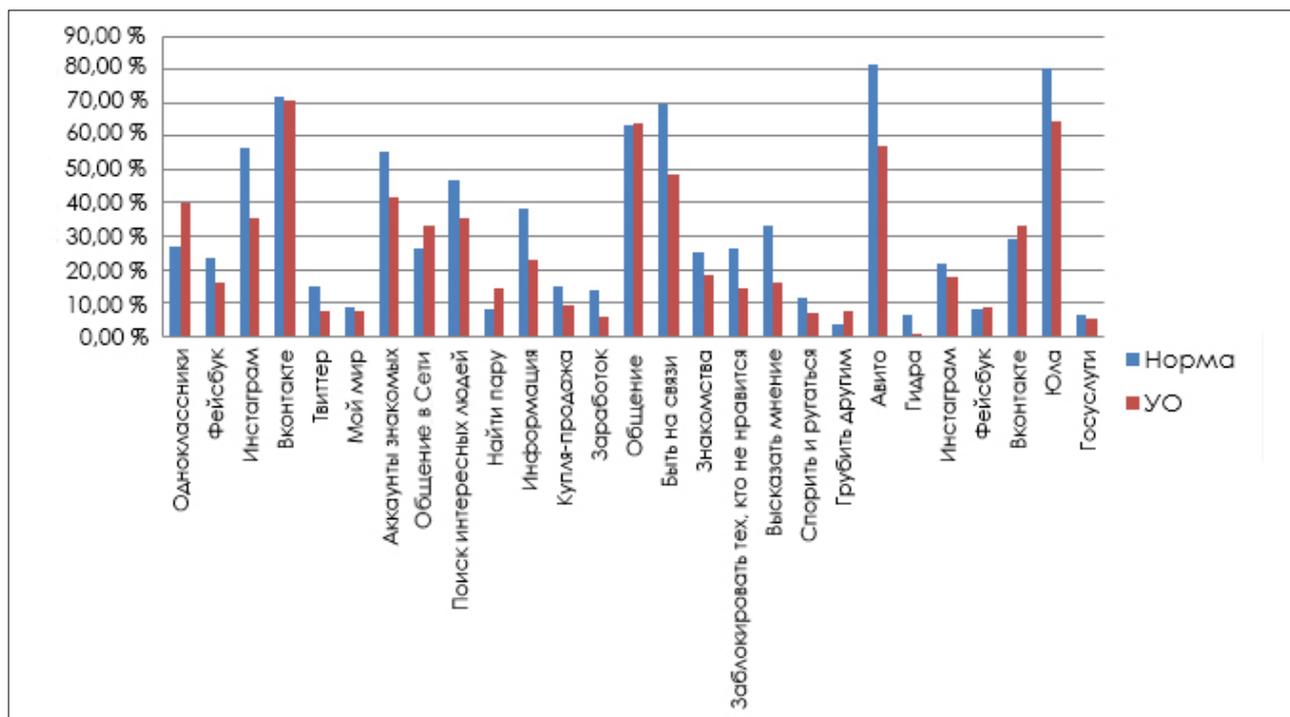


Рисунок 2. Распределение ответов блока «Соцсети и торговые площадки»

Лингвистический блок. Респонденты обеих групп в сетевом взаимодействии используют эмодзи и смайлы. На письме стараются не делать ошибок, но иногда используют обценную лексику для передачи своего эмоционального состояния (рис. 3).

Блок «Родительский контроль». Родители респондентов с УО, по данным самоотчета, больше интересуются контентом и больше контролируют время, проведенное ребенком в Сети, нежели родители их нормативно развивающихся сверстников. При этом респонденты с УО утверждают, что их родителям неизвестен контент, который респонденты этой группы используют или производят. Однако в обеих группах респонденты указывают на наличие родителей, которые в курсе специфики посещаемых сайтов и их сетевых перемещений. Родители могут ограничить время в Сети, но некоторые позволяют детям находиться там столько, сколько они желают. Часть респондентов в обеих группах готова согласиться с родительскими ограничениями, другая часть активно выступает против. Именно респонденты с УО готовы достаточно агрессивно защищать свое сетевое пространство от вмешательства родителей и готовы не позволить заблокировать контент, представляющий для них ценность, но рассматриваемый родителями как вредоносный. Вариативен и родительский контроль времени, проведенного в Сети: от менее, чем 1 час в день до более, чем 5 часов в день (рис. 4).

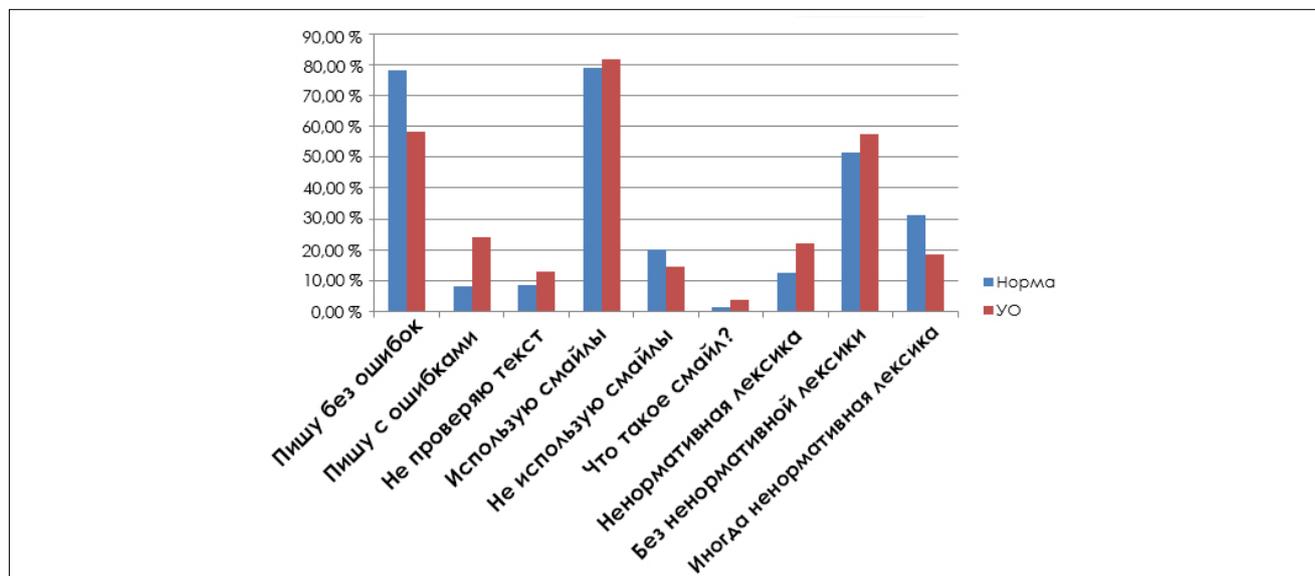


Рисунок 3. Распределение ответов лингвистического блока



Рисунок 4. Характеристика выполнения блока «Родительский контроль»

Статистически подтвержденными данными о специфике процесса сетевой социализации подростков и юношей с умственной отсталостью, по сравнению с их нормативно развивающимися сверстниками, можно считать наличие достоверных различий в сторону большей выраженности признака в группе подростков и юношей с УО по ряду параметров: посещение сайтов с играми (СИ) и сайтов знакомств (СЗ), использование чужой электронной почты для своих нужд (ЧП), отсутствие у респондента электронной почты (ОП), использования электронной почты для общения (ЭПО), использование сети «Одноклассники» (О), наличие более 100 сетевых друзей (СД), агрессивная защита внедрения родителей в свое сетевое пространство (А), отсутствие старания писать без ошибок при общении в сети (БО) (табл. 2).

Таблица 2									
Значения критерия Фишера ($F^*_{ЭМП}$) при сравнении выборок по параметрам									
	СИ	СЗ	ЧП	ОП	ЭПО	О	СД	А	БО
P	0,05	0,01	0,01	0,01	0,05	0,05	0,05	0,05	0,01
$F^*_{ЭМП}$	1,94	3,991*	2,567*	3,127*	2,212	2,067	1,737	2,161	3,474*

Примечание: * отмечены значения с высокой статистической значимостью.

Маркеры сетевого риска. По параметрам сетевой опасности респонденты с УО продемонстрировали менее частое столкновение как с высокой, так и со средней степенью сетевого риска, по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками. Это может быть связано со сниженной познавательной активностью подростков и юношей с УО в Сети, которая в сетевом взаимодействии в норме выражается в интенсивном сетевом поиске контента, сайтов, специфических сообществ, а также с их более низкой осведомленностью об особенностях сетевой реализации. Суммарный процент возможности столкновения с сетевой опасностью среднего уровня по выборке нормативно развивающихся подростков и юношей составляет 23,6 %, по выборке подростков и юношей с УО – 16,9 %, а по сетевым рискам высокого уровня в норме – 18,2 %, при нарушении интеллекта – 12,8 %.

В контексте изучения маркеров потенциального столкновения с сетевыми рисками высокой степени опасности нами были обозначены следующие диагностические позиции: респонденту знакомо понятие «Tor Browser» (1); респонденту знакомо понятие «даркнет» (2); респонденту знакома запрещенная торговая интернет-площадка «Гидра» (3); респондент играет в азартные сетевые игры (4); респондент посещает сайты для взрослых (5); респондент общается в Сети с людьми намного старше себя (ровесниками своих родителей) (6); для респондента общение в Сети привлекательно возможностью грубить другим без последствий (7); родители не ограничивают время, проведенное респондентом в Сети (8); родители не интересуются сетевой активностью респондента (9); респонденту поступают просьбы «скинуть денег» от сетевых знакомых (10); респондент упоминает о возможности агрессивной защиты своего сетевого пространства от вмешательства родителей, используя такие формулировки, как «родители хотят ограничить мое пребывание в Интернете, но я им не позволю!» (11) (рис. 5).

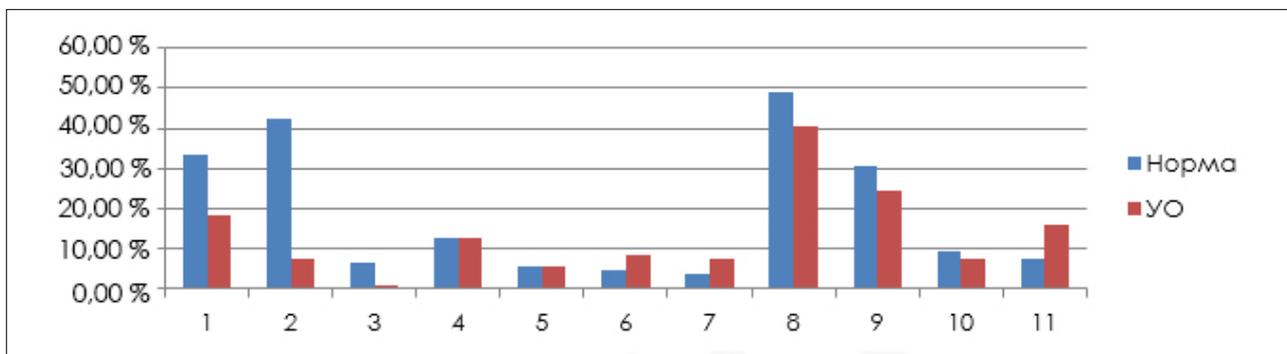


Рисунок 5. Распределение ответов в соотнесении с маркерами высокой сетевой опасности

Маркеры потенциального столкновения с сетевыми рисками средней степени опасности представляют собой следующие диагностические позиции: респонденту знакомо понятие «криптовалюта» (1); респондент рассматривает сетевое взаимодействие как способ заработка (2); для респондента привлекательно сетевое общение из-за возможности без проблем спорить и ругаться (3); респондент общается в Сети с людьми старше себя (4); респонденту поступают просьбы о помощи, и он на них откликается (5); респонденту поступают просьбы передать что-то кому-то (6); респонденту поступают просьбы помочь обмануть или разыграть кого-то (7); у респондента больше 100 сетевых друзей (8); респондент не знает ничего о занятиях его сетевых друзей (9); родители не знают, какие сайты посещает респондент (10); респондент проводит в Интернете более 5 часов в день (11) (рис. 6).

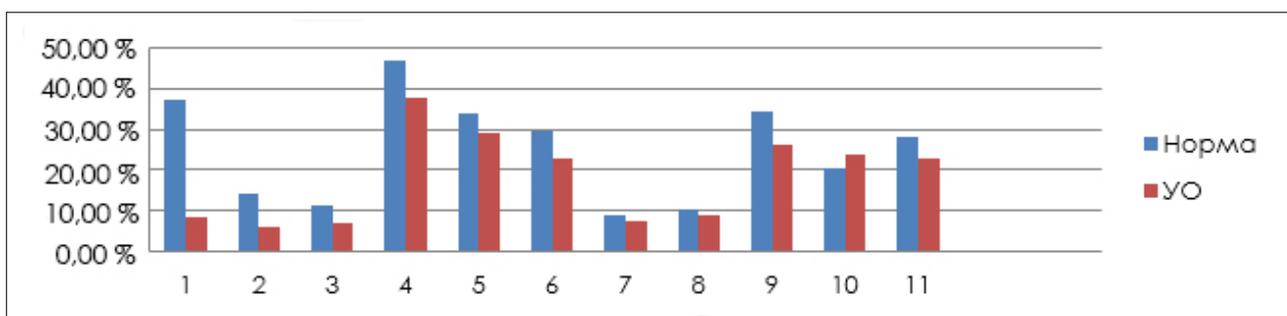


Рисунок 6. Распределение ответов в соотнесении с маркерами средней сетевой опасности

Само по себе наличие в ответах респондента маркеров сетевых рисков не свидетельствует напрямую о том, что подросток или юноша столкнулся с реальной сетевой опасностью. Это, в первую очередь, говорит о широкой сетевой осведомленности респондентов, но в любом случае нуждается в углубленной проверке и изучении в доверительном общении для минимизации сетевых рисков.

Качественный анализ полученных данных указывает на то, что осведомленность подростков и юношей в областях, которые при определенных условиях могут продуцировать сетевые риски, свидетельствует:

1) о том, что они наблюдали действие потенциально вредоносных факторов на чужих примерах;

2) о том, что они общаются с теми, кто уже подвержен воздействию данных факторов риска;

3) о том, что подросток или юноша сам создает такие риски другим участникам сетевого взаимодействия;

4) о том, что подросток или юноша напрямую подвергался сетевому риску (осознавая / не осознавая этого);

5) о том, что подросток или юноша попал в рискованную сетевую ситуацию и находится в ней в данный момент;

6) о том, что подросток или юноша осведомлен о теневых сторонах сетевого взаимодействия и это помогает ему избегать рисков.

Маркеры сетевого риска в поведении подростка или юноши должны изучаться индивидуально и всесторонне. Пристальное внимание стоит обращать как на факты столкновения с потенциальной сетевой опасностью, так и на факты, когда респондент не представляет, какие факторы сетевого взаимодействия могут нести потенциальную опасность. Низкая интенсивность сетевого взаимодействия, ограниченный опыт сетевых контактов, низкая осведомленность о сетевых «теневых» феноменах могут являться фактором риска возникновения потенциально опасного сетевого поведения в будущем. И тогда подросток или юноша с УО или нормативным развитием может некритично отнестись к поступающей сетевой информации или негативным сетевым интенциям других лиц в свой адрес ввиду отсутствия элементарных знаний в этой области.

Обсуждение результатов

Полученные в апробационном исследовании данные указывают на доступность методики «Сетевой самоотчет» для понимания и самостоятельного выполнения респондентами с умственной отсталостью и на возможность ее потенциального использования для сравнительных исследований респондентов разных нозологических групп. С помощью данной методики были выявлены общие проявления сетевого взаимодействия подростков и юношей с нормативным развитием и нарушенным интеллектом. К ним относятся: широкое использование возможностей Интернета; высокая мотивация к использованию Сети для своих нужд; относительно успешные попытки реализации такого использования для просмотра фото и видео, поиска разнообразной, в том числе учебной, информации, сетевых игр, развлечений с применением интересного мультимодального контента. Отмечено также наличие широкого диапазона сетевых терминов в пассивном словаре, частичное знакомство с сетевым этикетом. Стаж сетевого пользователя к подростковому возрасту составляет в большинстве случаев от года до трех лет, к юношескому возрасту – свыше трех лет.

Для респондентов обеих групп характерны попытки наладить сетевое общение с людьми различных возрастов, желание выражать себя и свои эмоции с помощью разнообразных вербальных и визуально-эмотивных средств, в том числе с помощью эмодзи, смайлов, ненормативной лексики, стремление познакомиться с теневой стороной сетевой жизни, посещение сайтов знакомств и сайтов для взрослых. Небольшая часть респондентов готова вступать в полемику в Сети. Некоторые респонденты готовы ссориться и ругаться с сетевыми визави, но желательно без последствий для себя.

Полученные нами данные отчасти перекликаются с результатами исследования (Собкин и Федотова, 2019), рассматривающего Сеть как пространство социализации современного

подростка, в котором принимали участие обучающиеся с 5 по 11 класс, и указывающего на иерархию важности функций Сети в понимании подростка: обеспечение возможности «общения с друзьями и родственниками», «поиск новых знакомств, расширение круга друзей», «возможность развлечься» и «найти нужную информацию», полезность использования социальных сетей в «обучении», для «самообразования» и «саморазвития», поиск «романтических знакомств» или «профессиональных контактов».

К специфическим особенностям интернет-социализации подростков и юношей с УО, по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками, выявленным при апробации методики «Сетевой самоотчет», можно отнести: более низкую сетевую осведомленность (в том числе о теневой стороне Сети); более низкие сетевую мобильность и переключаемость; предпочтительное использование Сети для общения, игр, знакомств и поиска пары, нежели для учебы, заработка, купли-продажи, саморазвития. Респонденты с УО чаще посещают сайты знакомств, имеют высокую, но зачастую недостаточно реализуемую в сетевом контексте потребность в общении. Отмечается феномен «сетевой гиперсоциализации», когда качество межличностного сетевого взаимодействия снижается из-за попыток общаться как можно с большим количеством людей (например, у субъекта может быть больше 100 сетевых друзей). У респондентов с УО присутствует более низкая интенсивность вербального сетевого общения, сложность восприятия собеседника. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что при общении в Сети используются преимущественно вербальные средства, применение которых затруднено при нарушении интеллекта (в силу системного недоразвития речи). Также в сетевом общении, как правило, затруднено/невозможно восприятие мимики и непосредственных эмоциональных проявлений собеседника (что отчасти компенсируется использованием в переписке эмодзи и смайлов или с помощью аудиосообщений и общения по видеосвязи). Респонденты данной группы чаще упоминают о возможности агрессивной защиты своего сетевого пространства от вмешательства родителей, нежели их сверстники с нормой развития.

Таким образом, методика «Сетевой самоотчет» может быть использована при анализе сетевого взаимодействия респондента, сборе массива данных в рамках одного класса, одной параллели, одной нозологической группы респондентов и в качестве скрининга столкновения обучающегося с потенциальными сетевыми рисками. Подход к изучению специфики сетевого взаимодействия подростков и юношей с нормативным и нарушенным развитием с помощью самоотчета интернет-пользователя помимо своей информативной составляющей побуждает респондента к самоанализу, что активизирует рефлексивный механизм самосознания, находящийся в подростковом и юношеском периоде в своей сензитивной фазе, и открывает направления психолого-педагогической поддержки.

Необходимо расширять данное направление изучения в рамках анализа полученных данных не только по ведущему нарушению, но и по возрастным диапазонам в рамках одной нозологической категории, а также формировать выборки, включающие разнообразные категории обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в рамках сравнительных исследований, изучать уровни сетевой социализации и т. д.

Необходима разработка методик более углубленного исследования приверженности респондентов сетевым рискам на базе сравнения декларируемых ими фактов сетевого взаимодействия с их реальным поведением в Сети и анализом их цифровых следов (digital footprint). Целесообразно создание обучающих материалов для повышения цифровой осведомленности

обучающихся с нормативным и нарушенным развитием, их родителей и педагогов, а также формирование методов и способов психологической и педагогической поддержки сетевой социализации подростков и юношей с особыми образовательными потребностями.

Литература

- Войскунский, А. Е. (2000). Феномен зависимости от Интернета. В А. Е. Войскунский (ред.), *Гуманитарные исследования в Интернете* (с. 100–131). Москва: Можайск-Терра. Доступ 12 февраля 2021, источник https://cyberpsy.ru/docs/gumanitarnye_issledovaniya_v_Internete_voyskunskiy.pdf
- Войскунский, А. Е. (2010). Информационная безопасность: психологические аспекты. *Национальный психологический журнал*, 1, 48–53.
- Горшенин, А. А. и Дубенский, И. В. (2018). Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет. *Молодой ученый*, 19, 279–282.
- Даниленков, А. В. (2014). *Интернет-право*. Москва: Юстицинформ.
- Данилов, С. А. (2012). Риски и потенциал интернет-социализации молодежи. *Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 42–46.
- Карпучин, О. И. (2000). Молодежь России: особенности социализации и самоопределения. *Социологические исследования*, 3, 124–128.
- Ковалева, Н. Д. и Сердюкова, Е. А. (2015). Этический аспект в ИКТ. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*, 3–4, 745–752.
- Колокольцева, Т. Н. и Лутовинова, О. В. (ред.). (2012). *Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография*. Москва: Флинта; Наука.
- Кучин, И. Ю. (2010). Защита конфиденциальности персональных данных с помощью обезличивания. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика*, 2, 158–162.
- Маклюэн, М. (2007). *Понимание Медиа: внешние расширения человека* (В. Г. Николаева, пер. с англ.). Москва: Гиперборей; Кучково поле.
- Молчанов, С. В., Войскунский, А. Е., Маркина, О. С. и Бородина, А. С. (2019). Особенности когнитивной переработки социальной информации подростками с разным уровнем морального развития. *Национальный психологический журнал*, 4, 3–11. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0401>
- Овчинников, С. А. и Гришин, С. Е. (2012). Информационно-этические проблемы построения информационного общества. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 1, 206–210.
- Собкин, В. С. и Федотова, А. В. (2019). Сеть как пространство социализации современного подростка. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(3), 119–137. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270308>
- Чуйко, А. Е. (2012). Этическое измерение сети интернет. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 10, 57–59.
- Ярцев, Д. В. (1999). Особенности социализации современного подростка. *Вопросы психологии*, 6, 54–59.
- Andalibi, N., Ozturk, P., & Forte, A. (2015). Depression-related imagery on Instagram. In *Proceedings of the 18th ACM conference companion on computer supported cooperative work & social computing* (pp. 231–234). <https://doi.org/10.1145/2685553.2699014>

- Arnoux, P.-H., Xu, A., Boyette, N., Mahmud, J., Akkiraju, R., & Sinha, V. (2017). 25 tweets to know you: A new model to predict personality with social media. In *Proceedings of the international AAAI conference on web and social media* (Vol. 11, № 1, pp. 472–475). Retrieved from <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14963>
- Azucar, D., Marengo, D., & Settanni, M. (2018). Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 124, 150–159. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.12.018>
- Beck, U. (1992). *Risk society. Toward a new modernity*. London: Sage Publications.
- Benton, A., Mitchell, M., & Hovy, D. (2017). Multi-task learning for mental health using social media text. In *Proceedings of the 15th conference of the EACL* (pp. 152–162). Retrieved from <https://arxiv.org/pdf/1712.03538>
- Bijl, R. V., Ravelli, A., & van Zessen, G. (1998). Prevalence of psychiatric disorder in the general population: Results of the Netherlands Mental Health Survey and Incidence Study (NEMESIS). *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 33, 587–595. <https://doi.org/10.1007/s001270050098>
- Boyd, R. L., & Pennebaker, J. W. (2017). Language-based personality: A new approach to personality in a digital world. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 18, 63–68. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.017>
- Celli, F., Bruni, E., & Lepri, B. (2014). Automatic personality and interaction style recognition from Facebook profile pictures. In *Proceedings of the 22nd ACM international conference on multimedia* (pp. 1101–1104). <https://doi.org/10.1145/2647868.2654977>
- De Choudhury, M., Counts, S., & Horvitz, E. (2013). Social media as a measurement tool of depression in populations. In *Proceedings of the 5th annual ACM web science conference* (pp. 47–56). <https://doi.org/10.1145/2464464.2464480>
- Dibble, J. L., & Levine, T. R. (2013). Sharing good and bad news with friends and strangers: Reasons for and communication behaviors associated with the MUM effect. *Communication Studies*, 64(4), 431–452. <https://doi.org/10.1080/10510974.2013.770407>
- Farnadi, G., Sitaraman, G., Sushmita, S., Celli, F., Kosinski, M., Stillwell, D., ... De Cock, M. (2016). Computational personality recognition in social media. *User Modeling and User-Adapted Interaction*, 26, 109–142. <https://doi.org/10.1007/s11257-016-9171-0>
- Ferwerda, B., & Tkalcic, M. (2018). *You are what you post: What the content of Instagram pictures tells about users' personality*. IUI Workshops. Retrieved from <http://ceur-ws.org/Vol-2068/humanize2.pdf>
- Golbeck, J., Robles, C., & Turner, K. (2011). Predicting personality with social media. In *CHI'11 extended abstracts on human factors in computing systems* (pp. 253–262). <https://doi.org/10.1145/1979742.1979614>
- Guntuku, S. C., Lin, W., Carpenter, J., Ng, W. K., Ungar, L. H., & Preoțiu-Pietro, D. (2017). Studying personality through the content of posted and liked images on Twitter. In *Proceedings of the 2017 ACM on web science conference* (pp. 223–227). <https://doi.org/10.1145/3091478.3091522>
- Guntuku, S. C., Qiu, L., Roy, S., Lin, W., & Jakhetiya, V. (2015). Do others perceive you as you want them to?: Modeling personality based on selfies. In *Proceedings of the 1st international workshop on affect & sentiment in multimedia* (pp. 21–26). <https://doi.org/10.1145/2813524.2813528>
- Guntuku, S. C., Yaden, D. B., Kern, M. L., Ungar, L. H., & Eichstaedt, J. C. (2017). Detecting depression and mental illness on social media: An integrative review. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 18, 43–49. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2017.07.005>
- Kalimeri, K., Beiró, M. G., Delfino, M., Raleigh, R., & Cattuto, C. (2019). Predicting demographics, moral foundations, and human values from digital behaviours. *Computers in Human Behavior*,

Кузьмина Т. И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ «СЕТЕВОЙ САМООТЧЕТ»...

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 1, 5–21. doi: 10.21702/rpj.2021.1.1

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- 92, 428–445. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.11.024>
- Maner, W. (1980). *Starter kit in computer ethics*. Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy.
- Moor, J. H. (2017). What is computer ethics? In K. Miller, M. Taddeo (Eds.), *The ethics of information technologies* (pp. 15–24). <https://doi.org/10.4324/9781003075011-1>
- Reece, A. G., Reagan, A. J., Lix, K. L. M., Dodds, P. S., Danforth, C. M., & Langer, E. J. (2017). Forecasting the onset and course of mental illness with Twitter data. *Scientific Reports*, 7. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-12961-9>

Дата получения рукописи: 31.10.2020

Дата окончания рецензирования: 10.02.2021

Дата принятия к публикации: 12.02.2021

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Кузьмина – старший научный сотрудник лаборатории образования и комплексной абилитации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата и множественными нарушениями развития ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики Российской академии образования», доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 1256-8515, Researcher ID: M-5969-2013.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.